

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Э. В. СЕВОРТЯН

Н. К. ДМИТРИЕВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Возникновение, становление и развитие советской тюркологии теснейшим образом и навсегда связано с именем Н. К. Дмитриева. Количественно Н. К. Дмитриев написал не так уж много — меньше, чем иные из ныне здравствующих тюркологов. Однако его пример вновь напоминает, что вклад ученого в науку определяется не числом созданных им работ, а их значением для дальнейшего поступательного движения той отрасли знаний, которой он отдал все силы.

Н. К. Дмитриев был абсолютно свободен от нередкого в научной среде недуга — многоречия: для его работ характерен безупречный стиль, блестящий и лапидарный язык. Ученый обладал счастливым даром облекать крупные творческие идеи, глубокие и многообразные наблюдения в кратчайшую, чеканную и очень емкую по содержанию словесную оболочку, когда, по известному выражению, словам тесно, а мыслям просторно.

Вот почему, читая Н. К. Дмитриева, мы нередко открываем в уже знакомых, казалось бы, строках новую грань мысли, новый угол зрения в освещаемом языковом явлении, неожиданные ассоциации в связи с вскользь брошенным замечанием. Сказанное относится ко всем работам Н. К. Дмитриева, в том числе и к работам сравнительного и сравнительно-исторического порядка.

В сравнительно-исторических занятиях Н. К. Дмитриева ясно различаются два этапа. На первом этапе предстояло выяснить строение всех составных частей фонетики и грамматики тюркских языков по показаниям современных языков, после чего намечалось перейти ко второму этапу — созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Начальный этап приходится на 20-е, частично 30-е годы, т. е. совпадает со временем первых публикаций ученого, большая часть которых посвящена вопросам фонетики различных тюркских языков. В этих работах с самого же начала определяются две области научных интересов Н. К. Дмитриева: 1) собственно история тюркских языков и 2) тюркско-иноязычные языковые связи. В качестве образцов исследований Н. К. Дмитриева по истории тюркских языков можно назвать «*Th in the modern Turkish languages*»¹ и отчасти «*On the pronunciation of the common Turkish R*»². В первой работе в соответствии с приемами сравнительно-исторических исследований, выработанными в трудах П. М. Мелиоранского и других отечественных тюркологов, и с учетом аналогичных изысканий в индоевропейском языкознании в первые десятилетия XX в. Н. К. Дмитриев исследовал историческое положение интердентальных *ʒ* и *ʒ* и, с целью установить их происхождение, прежде всего обратился к старейшим тюркским текстам — словарю Махмуда Кашгарского, показаниям енисейско-орхонских и других памятников. Выяснив, что языковые памятники до-

¹ N. K. Dmitriev, *Th in the modern Turkish languages*, «Le monde oriental», XXIII, 1929; см. перевод: Н. К. Дмитриев, Звук *ʒ* в современных тюркских языках, в его кн. «Строй тюркских языков», М., 1962.

² N. K. Dmitrijev, *On the pronunciation of the common Turkish R*, JRAS, 1927, July; N. K. Dmitriev, *Étude sur la phonétique bashkire*, JA, CCX, 1927.

створно свидетельствуют лишь о наличии согласного ζ в определенных древнеязыковых зонах, а происхождение глухого ζ таким путем едва ли может быть установлено, Н. К. Дмитриев привлек к изучению данные современного туркменского и башкирского языков, предварив подобный прием следующим принципиальным тезисом: «Хотя... мы и не можем установить точные закономерности развития звуков δ и θ из древнетюркского, тем не менее мы имеем право сравнить слова с δ и θ с соответствующими им словами в других языках. Это единственно возможный метод»³.

Так Н. К. Дмитриевым была вкратце сформулирована еще в 20-е годы правомерность привлечения современных тюркских языков для освещения вопросов их исторической эволюции. Названное положение было, как это стало очевидным в последующие годы, программной установкой в разысканиях Н. К. Дмитриева, и он не изменял ей в продолжение своей деятельности исследователя, главы школы, организатора науки и воспитателя научных кадров: она имела глубокие корни в исследовательском опыте русской тюркологии, но вместе с тем она была и личным научным достоянием Н. К. Дмитриева благодаря тому, что он начинал свой путь в науке изучением не одного, а многих тюркских языков одновременно: турецкого, башкирского, туркменского, кумыкского, татарского, крымско-татарского, а затем и азербайджанского. Для него, как и для немногих других советских тюркологов, начало деятельности которых относится к 20 — началу 30-х годов, стало очевидным в результате собственных наблюдений, что разыскания по истории тюркских языков в отдельности и в их совокупности, трактовка и решение проблем исторического или сравнительно-исторического порядка в тюркском языкознании невозможны без всемерного привлечения материалов живых тюркских языков и их диалектов.

Само собой разумеется, что научные занятия на таком уровне предполагают определенные субъективные предпосылки. Н. К. Дмитриев располагал ими полностью, рано достигнув высокой лингвистической культуры, сродни культуре его прославленных предшественников.

Нельзя, однако, забывать и другого. Разносторонняя кипучая и напряженная деятельность Н. К. Дмитриева как организатора науки и педагога (с 1937 г. — руководителя сектора тюркских языков Института языка и письменности народов СССР АН СССР, вскоре руководителя тюркологической работы в Академии педагогических наук, а с 1943 г. — создателя и руководителя Восточного отделения филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и одновременно заведующего кафедрой тюркской филологии, постоянное участие в работе ВАК'а, многочисленных комиссий и т. д.) оставляли слишком мало времени для систематической исследовательской работы, даже для простой фиксации на бумаге его наблюдений, важных для истории тюркских языков. Наблюдения и научные идеи чаще удавалось заносить на бумагу лишь урывками, многое же оставалось в памяти ученого и щедро раздавалось его слушателям в часы лекций и на ученых заседаниях в Московском и Ленинградском университетах, в Баку и в Симферополе, в Ашхабаде и Уфе.

Итак, начав со второй половины 20-х годов свои исторические разыскания в духе традиций индоевропейского и отечественного исторического языкознания, Н. К. Дмитриев вскоре был захвачен новыми горизонтами, которые открылись перед ним в области изучения основных особенностей строя тюркских языков, равно важных как для современного, так и прошлого состояния этих языков.

³ Н. К. Д м и т р и е в, Звук ζ в современных тюркских языках, стр. 15.

Такой ход научных занятий естественным образом подготавливал почву, на которой могла постепенно зародиться идея синтезирующего труда о строе тюркских языков. Она сложилась скорее всего в 40-е годы, и некоторые элементы этого синтезирующего труда нашли свое отражение в программной во многих отношениях «Грамматике башкирского языка»; в предисловии к ней прямо говорится о том, что «... автор старался на материале башкирского языка проверить и изложить свои теоретические взгляды на отдельные проблемы грамматики тюркских языков»⁴.

В конце 40-х годов контуры труда о строе тюркских языков, как и общий композиционный план его, определились, и в секторе тюркских языков Московского отделения Института языка и мышления АН СССР началась коллективная работа над темой, которая с осторожностью и трезвостью, свойственными инициатору и ее руководителю Н. К. Дмитриеву, была названа «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Для понимания задуманного направления труда характерно обсуждение его названия в авторском коллективе. Были предложены и другие названия коллективной работы, в частности — «Материалы по сравнительной грамматике тюркских языков». Однако такое название увело бы авторский коллектив в сторону, так как речь шла именно об известном теоретическом построении, в котором должны были быть синтезированы накопившиеся в науке наблюдения и сведения, относящиеся к строю тюркских языков.

Ныне «Исследования», вышедшие в четырех частях⁵, хорошо известны в кругах специалистов и более широкой аудитории. Но даже и спустя десять с лишним лет после выхода в свет всего труда временами раздаются голоса: что это — синхронная или сравнительно-историческая работа о тюркских языках? Некоторые из зарубежных востоковедов прямо называют труд сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков⁶. Однако «Исследования» не являются сравнительно-исторической грамматикой, и об этом ясно говорится во вступительной статье ко всему труду, написанной его руководителем. «Исследования» — это труд о строе тюркских языков, представленном в известной исторической перспективе и с преимущественной опорой на современные языки.

В настоящее время тюркологи знают о тюркских языках, вероятно, больше, чем два десятилетия тому назад. Но теоретическая основа «Исследований», самый принцип изучения строя тюркских языков в их целом или по отдельности, как в статике, так и в динамике, с опорой на показания современных языков и их диалектов остается в силе, и это составляет то новое, что было внесено трудами Н. К. Дмитриева в теоретический арсенал тюркского языкознания. Как известно, в русской дореволюционной тюркологии данные живых языков и их диалектов в принципе рассматривались только как дополнительный источник⁷.

Выдвижение на первый план свидетельств живых языков и их диалектов с учетом показаний памятников письменности в советской тюркологии ныне принимается как нечто весьма привычное, и лишь тюркологи старшего и среднего поколений знают, кому мы обязаны этим направлением в нашей отрасли науки.

⁴ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 3.

⁵ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I — Фонетика, М., 1955; ч. II — Морфология, 1956; ч. III — Синтаксис, 1961; ч. IV — Лексика, 1962.

⁶ G. Doerfer, Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre, «Orientalistische Literaturzeitung», 66, 7/8, 1971.

⁷ См., например: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. II.

Описываемый подход получил в советской тюркологии распространение и отчетливо выступает в работах историков языка — Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака, Н. Э. Гаджиевой, А. Г. Гулямова, Б. М. Юнусалиева, В. М. Насилова, Д. М. Насилова и других.

Показания живых тюркских языков (в значительно меньшей степени — диалектов) учитываются также в зарубежной тюркологии, подчас даже реконструкции строятся на одних лишь материалах современных тюркских языков. Но к этому приему в зарубежных работах обычно прибегают в тех случаях, когда памятники не дают нужных сведений или же когда привлекаемые показания живых языков лишь подкрепляют данные, извлекаемые из старых текстов. В принципе же за свидетельством языковых памятников сохраняется решающее слово.

Обратимся ко второму направлению историко-лингвистических занятий Н. К. Дмитриева, связанных с проблемой тюркско-иноязычных контактов. Исследования на эту тему были начаты немного ранее разысканий историко-фонетического характера. Стимулом послужили основательные познания в области славистики, накопленные Н. К. Дмитриевым до его занятий тюркскими языками. Первой работой из этой большой серии были «Этюды по сербо-турецкому языковому взаимодействию. I—V»⁸, в которых впервые получил свои очертания и круг научных интересов Н. К. Дмитриева в области тюркско-иноязычных (главным образом, тюркско-русских) и иноязычно-тюркских языковых связей, и само понимание языкового взаимодействия.

Для отечественной тюркологии было традиционным изучение тюркизов в русской лексике по данным письменных источников. Н. К. Дмитриев, расширив научные представления об этом предмете, определил направления разысканий в сфере языковых контактов. Языковое взаимодействие он рассматривал как двусторонний исторический процесс, который при соответствующих условиях может распространиться не только на лексику, но и на другие уровни контактирующих языков. В послеоктябрьское время Н. К. Дмитриев был одним из первых тюркологов, который проводил свои наблюдения в области тюркско-русских или русско-тюркских языковых контактов в указанном аспекте.

Кроме «Этюд по сербо-турецкому языковому взаимодействию» к теме языковых контактов имеют отношение «Материалы Верковича как тюркологический памятник» (Прага, 1932). Все остальные работы этого цикла касаются тюркско-русских языковых связей. Три из них посвящены русско-башкирским и башкирско-русским языковым отношениям, одна — тюркизмам в русском словаре.

Башкирский язык Н. К. Дмитриев начал изучать в 20-е годы, охватив все уровни языка: фонетику, грамматику, лексику, а также диалектологию, участвовал в диалектологических экспедициях и вел полевые записи. Как и при изучении других тюркских языков, Н. К. Дмитриев ознакомился с башкирским языком, окунувшись в стихию живой речи. Отсюда глубина и точность наблюдений Н. К. Дмитриева, так же глубоко исследовавшего и область русско-башкирских языковых контактов. Общая картина этого двустороннего процесса ярко представлена в статье «Русско-башкирские языковые отношения»⁹, вышедшей в свет, когда автора уже не было в живых. На материале многочисленных и разнообразных личных наблюдений (в том числе и над русско-башкирскими аргами), свидетельств краеведов и этнографов, известных публицистов, языковедов, писателей (С. Т. Аксакова, В. И. Даля, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. П. Краше-

⁸ ДАН СССР, Серия В, 1928, 2, 12; 1929, 5—6.

⁹ Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, стр. 465—482.

нинникова, С. Злобина, Н. В. Ремезова) Н. К. Дмитриев показал взаимопроникновение элементов русского и башкирского языков (во фразеологии, терминологии, топонимии, а также в грамматике — фонетическая, синтаксическая, морфологическая адаптация). В работе особо освещены пути, по которым исторически осуществлялось русско-башкирское языковое взаимодействие.

В более ранней статье рассматриваются русизмы в живой речи башкир с характерными для этих заимствований особенностями¹⁰. Н. К. Дмитриев указывает на возрастание русских заимствований в башкирских диалектах по мере приближения диалектных территорий к заводам; отмечает, что наиболее часто заимствуются слова, выполняющие коммуникативную (а не номинативную) и эмоционально-экспрессивные функции, причем в живую башкирскую речь проникают многие служебные элементы русского языка (что характерно и для других тюркских языков). Подробно рассматривается аналитическое глаголообразование на базе русского инфинитива, а также некоторые синтаксические кальки из русского. От внимания исследователя не ускользнули обратные заимствования восточных слов в башкирский язык из русского, тенденция к народноэтимологическому сближению русизма с башкирским корнем. Некоторые семантические переходы в заимствованиях истолкованы как обусловленные бытом и другими культурно-историческими факторами в жизни башкир. Источником русизмов в речи башкир в первые десятилетия XX в., как подчеркивал Н. К. Дмитриев, являются разговорные и диалектные формы, что получает свое отражение в фонетике заимствований. Систематизированное рассмотрение материала завершается приложенным к статье словарем русизмов в речи башкир. К теме заимствований в башкирском языке ближайшее отношение имеет также работа Н. К. Дмитриева «Арабские элементы в башкирском языке»¹¹.

Русско-тюркские языковые контакты всегда понимались Н. К. Дмитриевым как важный раздел в истории формирования конкретного тюркского языка или русской диалектной, а также узко профессиональной речи на этнически смешанных территориях. В этом плане выполнены наблюдения ученого над тюркизмами в русских аргах¹², из которых не все увидело свет. Опубликована лишь одна статья по данной теме языковых контактов, в которой получили освещение иноязычные пласты в этом своеобразном разделе русской лексики. Главными в своих исследованиях по аргах Н. К. Дмитриев считал два вопроса: 1) определить ближайший тюркский язык, откуда слово вошло в русское арга, и 2) установить время этого заимствования. Вместе с тем, учитывая, что при состоянии тюркологии конца 20 — начала 30-х годов (т. е. времени, когда писалась его статья) вопрос о хронологизации не может получить положительного решения, основное внимание он направлял на выяснение конкретного языка — источника тюркизмов в русских аргах с предварительным и обязательным выяснением того, как фонетические черты конкретного тюркского языка, отраженные в том или ином слове, преломляются в русской передаче. Эти методические установки нашли свое конкретное воплощение в приложенном к статье словарику тюркизмов.

Тема языкового взаимодействия была в работах Н. К. Дмитриева одной из центральных и любимых. Он расставался с ней лишь на короткое

¹⁰ Н. К. Дмитриев, Варваризмы в башкирской речи, «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР» (далее — ЗКВ), IV, Л., 1929, стр. 73—105.

¹¹ ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 119—135.

¹² Н. К. Дмитриев, Турецкие элементы в русских аргах, сб.: «Язык и литература», VII, Л., 1931.

время с тем, чтобы вновь вернуться с новой энергией. Наблюдения накапливались, расширялся их круг. Постепенно складывались контуры итогового труда о тюркизмах в русском словаре — традиционной и близкой сердцу русских филологов теме отечественной тюркологии.

Исследования тюркских элементов русского словаря велись в суровые месяцы осени и зимы 1941—1942 гг. в настороженной и затемненной Москве. С неизменным томиком Горация в руках приходил Н. К. Дмитриев в Институт языка и письменности народов СССР АН СССР, где в одной из неотапливаемых комнат полуподвального этажа в тесном кружке слушателей, среди которых были А. А. Реформатский, С. И. Ожегов и другие, читал свою работу о тюркизмах в русской лексике¹³.

Как и в других трудах, Н. К. Дмитриев прежде всего определил историко-культурные предпосылки изучаемого им лингвистического феномена, его место среди близких явлений, разработал методiku исследования русских тюркизмов. В широком плане вопрос о тюркизмах в русском языке ученый понимал как часть большой проблемы о языковых связях Ближнего Востока и славянского мира. Вслед за В. В. Бартольдом он считал, что культура Ближнего Востока исторически представляла собой определенный комплекс явлений, характеризуемый известными общими чертами. Поскольку история тюркских и славянских народов, в частности, русского, теснейшим образом связана между собой с давних пор, то научное изучение языкового взаимодействия во всей полноте исторического контекста составляет непреложную задачу языкознания, и в ее разработке в равной мере должны участвовать как тюркологи, так и русисты и слависты вообще. Для славистов, развивал свою мысль Н. К. Дмитриев, проблема тюркизмов — это вопрос об одном из основных источников по истории славянской лексики, а в известной мере — и славянских языков вообще, поскольку тюркское влияние распространилось в разных славянских языках не только на лексику, но также на синтаксис, морфологию и фонетику. Для тюркского языкознания изыскания в области тюркизмов — это дополнительный и нередко важнейший источник по истории тюркских языков.

Н. К. Дмитриев указывал, что, принимаясь за разработку данной темы, необходимо ясно представлять себе ее источники, методы исследования, наконец, самое историю ее разработки в науке. Основным среди методов обработки словарных тюркизмов Н. К. Дмитриев признавал этимологию, понимая ее в данном случае шире, чем обычно, а именно — как анализ происхождения слова вместе с историко-культурным комментарием к нему. Непременным дополнением к этимологии тюркизмов ученый считал выяснение путей проникновения заимствования, перехода его из одного языка в другой, изучение чего, однако, нередко наталкивается на неодолимые трудности.

В силу необходимости исследователю приходится часто довольствоваться изучением «истории одного слова или термина, т. е. по существу минимальной единицы, которую мы условно выделяем из потока культурной истории народа. Между тем, как всем известно, слово-термин живет в историко-культурном контексте, и брать его изолированно, вне системы, уже в силу одного этого представляется искусственным»¹⁴. Таким образом,

¹³ Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря, «Лексикографический сборник», 3, М., 1958. К этой же теме имеет отношение ранняя работа Н. К. Дмитриева «Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича» (ДАН СССР, Серия В, 1926, 1, стр. 67—70), а также его статья «Ударение в русских словах тюркского происхождения» («Сборник памяти профессора М. В. Сергиевского», М., 1961, стр. 96—104).

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. стр. 507.

заклучал Н. К. Дмитриев, «заимствование можно понять только в разновременном плане, а в процессе этимологизации оно рассматривается в одновременном плане»¹⁵, и именно в этом усматривается слабое место этимологизации.

Пока тюрколог не имеет ни документальных данных по истории каждого тюркизма в славянских языках, ни сведений об эпохе заимствования и конкретных социально-экономических отношениях, в которых находились оба народа в ту эпоху, остается единственный путь: изучать тюркизмы только в контексте какого-нибудь цельного исторического памятника определенной эпохи, высокие образцы чего хорошо известны в истории русской науки, и Н. К. Дмитриев напоминал о научном споре между П. М. Мелиоранским и Ф. Е. Коршем по поводу тюркских элементов в «Слове о полку Игореве»¹⁶. «... эта методика, — подчеркнул Н. К. Дмитриев, — остается для нас руководящей и по настоящее время»¹⁷.

Что касается приемов обработки тюркизмов в славянских языках, то Н. К. Дмитриев выделял следующие три приема: 1) рассмотрение тюркизмов не только в фонетическом плане, но одновременно и в плане семантики, морфологии, если можно, и синтаксиса; 2) семантический анализ тюркизмов в тесной связи с его историко-культурным контекстом; 3) общая, а где можно — конкретная, частная, локализация тюркизма (т. е. выяснение того, к какой части тюркоязычной территории относится тюркизм).

Конкретные результаты применения всех этих методических требований, т. е. разработанные с их помощью этимологии, ученый делил на три группы по степени достоверности полученных решений: 1) сопоставление тюркизма с реальным тюркским словом, а priori вполне допустимое, которому не хватает лишь исторической документации; 2) сопоставление, нуждающееся еще в дополнительных материалах по существу; 3) сопоставление, которое выдвигается лишь в порядке гипотезы.

Все сказанное выше Н. К. Дмитриев показывает на ярких и доказательных анализах русских тюркизмов и руководствуется сформулированными им принципами и приемами в разработанном им словаре тюркизмов в русской лексике.

По скромности свое исследование Н. К. Дмитриев квалифицировал как «один из многих возможных комментирующих этюдов к лексике современного русского литературного языка»¹⁸.

Нетрудно видеть, что вся теоретическая часть этого фундаментального исследования тюркизмов в русском языке вместе с методическим аппаратом явилась прямым продолжением и дальнейшим обогащением принципов и методов, которые были разработаны классиками отечественной тюркологии П. М. Мелиоранским и Ф. Е. Коршем в области сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков и по проблеме тюркских заимствований в русском словаре, в частности. По богатству изложенных научных идей исследование Н. К. Дмитриева представляет собой новое слово в сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: П. М. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», ИОРЯС, 1902, VII, кн. 2; Ф. Е. Корш, Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», там же, 1904, VIII, кн. 4; П. М. Мелиоранский, Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (ответ Ф. Е. Коршу), там же, 1905, X, кн. 2; Ф. Е. Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского «О турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“», СПб., 1906 (отд. оттиск из: ИОРЯС, 1906, XI, кн. 1).

¹⁷ Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, стр. 508.

¹⁸ Там же, стр. 519—520.

Мы остановились более подробно на взглядах и теоретических принципах Н. К. Дмитриева в области сравнительно-исторической лексикологии по той причине, что в настоящее время, во-первых, начинаются подготовительные работы по созданию этимологических словарей конкретных тюркских языков либо уже ведется сама разработка некоторых из них, а во-вторых, разворачивается работа по изучению тюркизмов в славянских языках. Остается пожелать, чтобы исследования в данной области, имеющие почти полуторавековую давность в отечественной тюркологии, поднялись на такую же научную и методическую высоту, какой они достигли в разысканиях П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша и Н. К. Дмитриева.

Направление и ход исследований в области лексикологии подводили Н. К. Дмитриева к идее труда, в котором было бы суммировано все главное, что могла сказать современная тюркология о тюркском словаре в его целом. Ученый ясно видел очертания этого труда и шел к нему — к этимологическому словарю тюркских языков. Он шел к нему тем же путем в два этапа, что и к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков.

В области лексикологии первым, предварительным этапом должно было явиться выяснение тематических групп и стратиграфии лексических пластов общетюркского словаря. Собственные труды ученого о различных лексических группах (глаголы движения, действия, речи, мышления)¹⁹, равно как и задуманное им коллективное исследование о тематических группах общетюркского словаря, мыслились как подготовительные работы на этом первом этапе. Сюда же в сущности относилось и его исследование о тюркизмах в русском словаре, а также интересные разыскания о ботанических названиях, к которым он неоднократно возвращался в последние годы жизни. После завершения всех этих работ он надеялся приступить к этимологическому словарю тюркских языков. Но Н. К. Дмитриев не дождался всего этого: коллективные «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» и «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1964), как и его собственный труд «О тюркских элементах русского словаря», вышли в свет, когда его уже не было среди нас.

Сегодня мы с глубоким удовлетворением видим, как замыслы и заветы учителя и воспитателя нескольких поколений тюркологов — Н. К. Дмитриева — находят свое материальное воплощение. Созданы первые в истории современной тюркологии сравнительно-историческая фонетика тюркских языков, опыт сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков, древнетюркский словарь. Началась работа над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков, которая П. М. Мелиоранскому представлялась отдаленной целью тюркологии. И во всех этих работах незримо присутствует научный вклад, который внес в тюркское языкознание Н. К. Дмитриев.

Время — лучший судья в оценке того, что сделал для науки ученый за свою жизнь. Труды Н. К. Дмитриева и сегодня остаются тем, чем они были всегда: источником фундаментальных сведений о строе тюркских языков, но в еще большей степени аккумуляцией научных идей, неиссякаемым током высокого напряжения, способным вызывать движение научной мысли в новых направлениях. С высоты его кругозора мы каждый раз видим явления тюркских языков в их взаимной связи, проникаем в их сущность и историческую глубину, чувствуем живой пульс безостановочной жизни громадной семьи тюркских языков.

¹⁹ Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, З. Н. Бакеева, Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе, М., 1952, стр. 161—242.